

Информация для цитирования:

Алексеев П. В. Имперский Юго-Запад в травелоге П. А. Крушевана «Что такое Россия?» / П. В. Алексеев // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 5. — С. 262—288. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-262-288.

Alekseev, P. V. (2025). Imperial Southwest in P. A. Krushevan's Travelogue "What is Russia?" *Nauchnyi dialog*, 14 (5): 262-288. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-5-262-288. (In Russ.).

Web of Science™

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Имперский Юго-Запад
в травелоге
П. А. Крушевана
«Что такое Россия?»**

Алексеев Павел Викторович
orcid.org/0000-0003-3680-1785

доктор филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник,
профессор кафедры русского
языка и литературы
pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Горно-Алтайский
государственный университет
(Горно-Алтайск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(проект № 24-28-01431 «Репрезентация
пространства Украины в русской
культуре
конца XVIII — XIX веков (на материалах
отечественных травелогов):
дискурсы, нарративы, топосы»,
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>)

**Imperial Southwest
in P. A. Krushevan's
Travelogue "What is Russia?"**

Pavel V. Alekseev
orcid.org/0000-0003-3680-1785

Doctor of Philology, Associate Professor,
senior research scientist,
Professor of the Department
of the Russian and the Literature
pavel.alekseev.gasu@gmail.com

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

Gorno-Altaiisk
State University
(Gorno-Altaiisk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-28-01431
"Representation of Ukrainian space
in Russian culture end of the XVIII—XIX
centuries (based on domestic travelogues):
discourses, narratives, topoi",
<https://rscf.ru/project/24-28-01431/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена анализу травелога П. А. Крушевана «Что такое Россия?» (1896) в контексте имперского восприятия Юго-Западных окраин Российской империи. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов имперской политики и националистического дискурса в травелогах как инструментах формирования идеологического взгляда на пространство и население. В статье исследуется маршрут Крушевана, его концепция унифицирующего национализма, а также имагологические стратегии в описании украинцев, поляков, евреев и других народов. Установлено, что автор травелога уделяет особое внимание Киеву как сакральному центру русской государственности и символическому пространству, где решается вопрос о допустимых границах национального слияния. Показано, как через описание путешествия автор проектирует желаемую картину имперского единства, используя механизм воображаемых границ. Исследуется связь маршрута с идеологическими концепциями русской цивилизационной миссии, где территориальная целостность оказывается залогом национального единства. Выявляются ключевые элементы имперского дискурса, такие как представление о внутреннем «Востоке», национальная иерархия и стратегии исключения. Анализ травелога позволяет глубже понять, как конструировались образы «своих» и «чужих» в имперском сознании и какие риторические приемы использовались для их легитимации.

Ключевые слова:

П. А. Крушеван; имперский травелог; Юго-Западная Россия; национализм; русификация; имагология; еврейский вопрос; консерватизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines P. A. Krushevan's travelogue "What is Russia?" (1896) within the context of imperial perceptions of the Southwestern fringes of the Russian Empire. The relevance of this study lies in the necessity to explore the mechanisms of imperial policy and nationalist discourse in travel writing as instruments for shaping ideological views on space and population. The paper investigates Krushevan's journey, his concept of unifying nationalism, and the imagological strategies employed in his descriptions of Ukrainians, Poles, Jews, and other ethnic groups. It establishes that the author places particular emphasis on Kyiv as a sacred center of Russian statehood and a symbolic space where the question of acceptable boundaries for national amalgamation is addressed. The study demonstrates how, through his travel narrative, Krushevan projects an envisioned image of imperial unity by utilizing the mechanism of imagined borders. It explores the connection between his route and the ideological concepts of Russian civilizational mission, where territorial integrity is seen as a guarantee of national unity. Key elements of imperial discourse are identified, including notions of an internal "East," national hierarchies, and strategies of exclusion. Analyzing the travelogue provides deeper insights into how images of "the familiar" and "the other" were constructed within the imperial consciousness and what rhetorical techniques were employed to legitimize them.

Key words:

Pavel Krushevan; imperial travelogue; Southwestern Russia; nationalism; Russification; imagology; Jewish question; conservatism.

Имперский Юго-Запад в травелоге П. А. Крушевана «Что такое Россия?»

© Алексеев П. В., 2025

1. Введение = Introduction

Вопрос репрезентации юго-западных территорий Российской империи в травелогах конца XIX века остается важной, но недостаточно изученной темой. Большая часть исследований, посвященных пространственным образам этой части империи, сосредоточена либо на крымском тексте, который традиционно воспринимается как один из ключевых элементов русского имперского воображения [Галушко, 2022; Люсий, 2003; Орехов; 2021; Сень, 2008; Храпунов, 2022;], либо на украинском тексте русской литературы [Курьянов, 2018] или русских травелогах, описывающих украинское пространство [Киселев и др., 2012; Киселев и др., 2014]. Однако представление о Юго-Западе империи не складывалось в отдельный нарратив, а чаще интерпретировалось как пограничная зона, сопряженная с культурными, этническими и политическими разломами.

Настоящее исследование направлено на выявление специфики пространственных образов юго-западной окраины империи в травелог П. А. Крушевана «Что такое Россия?» (1896), которая представлена как сакральное пространство русской государственности, где решается вопрос о границах национального единства. В фокусе этого травелога Юго-Западный край как воображаемое пространство — это не только Подольская, Волынская и Киевская губернии [Миллер, 2000, с. 36], но также Крым и Бессарабия: первый за счет включения в орбиту значимого символического узла воображаемой географии, вторая — за счет акцентирования «южной» (бессарабской) субъектности автора, который вовлекает читателей в дискурс «большой русской нации».

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к пространственной репрезентации империи Романовых в контексте русской литературы путешествий и необходимо рассмотреть юго-западный регион не только как политический, но и как символический фено-

мен, формировавший представления о границах «русского мира» в период поздней империи.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Материалом исследования служит травелог П. А. Крушевана «Что такое Россия?», опубликованный в московской типолитографии товарищества И. Н. Кушнерева в 1896 году. Автор этих путевых заметок фиксирует маршрут по юго-западным территориям Российской империи, в рамках которого пространственные образы крайне идеологизированы: они служат инструментом формирования одновременно имперской и национальной идентичности. Определение соотношения двух этих дискурсов в сознании автора травелога не является целью статьи, однако в качестве допущения определим, что они имеют большое количество пересечений: «русскость» и «имперскость» для Крушевана были не индентичными, но очень близкими понятиями.

Методология исследования основана на имагологии, постколониальных исследованиях, семиотике пространства и компаративистике, что позволяет рассмотреть травелог Крушевана в широком культурном и политическом контексте. В данной работе используются следующие исследовательские подходы: имагологический анализ, в том числе сближающийся с категориальным аппаратом культурной антропологии [Башляр, 2004; Pageaux, 1983], позволяющий выявить концептуальные модели «Своего» и «Чужого», используемые Крушеваном для описания имперских окраин; семиотика пространства [Семиотика..., 1986; Пеллегрини, 2020], применяемая для интерпретации маршрута путешествия как элемента имперской репрезентации; постколониальные подходы к травелогам, русской словесности и проблеме национальной идентичности [Pratt, 1992; Tolz, 2005, Алексеев, 2015; Kleespies, 2006], анализирующие, как имперский дискурс формирует представления о территориях и этносах; анализ украинского текста русской литературы [Киселев и др., 2014], позволяющий интерпретировать пространственные образы Киевщины, Бессарабии и Одессы в рамках имперского видения, особенности субъектной организации путевой прозы русской литературы [Шенле, 2004; Кублицкая, 2019].

Современные исследования, посвящённые имперскому Юго-Западу России, охватывают широкий спектр вопросов, включая пограничную политику, национальную интеграцию, военное управление, русификацию и разные аспекты «украинского вопроса». Вопрос пограничного контроля и административного управления рассматривался в исследованиях, посвящённых механизмам интеграции Западного края [Западные..., 2006; Бова, 2011, Лескинен, 2018]. Развитие этих территорий после разделов

Речи Посполитой подробно изучалось в контексте генерал-губернаторской системы и процесса колонизации [Вех, 2021].

Языковая и религиозная политика в юго-западной части империи имела решающее значение в контексте стратегий русификации. Эти процессы анализировались с точки зрения их долгосрочных последствий, включая ограничения на украинскую печать и образование, а также баланс между интеграцией и репрессивными мерами [Миллер, 2000; Тесля, 2020]. Борьба за культурную гегемонию в регионе привела к возникновению конкурирующих национальных и имперских нарративов, формировавших образ «пограничья» как зоны потенциальной нестабильности. Исследования, посвященные пространственным стратегиям в русской литературе путешествий, демонстрируют, что маршрут путешественника мог служить способом доказательства имперской легитимности земель, имеющих империологический статус «лиминальных» [Жданов, 2024].

Современные исследования показывают, что юго-западный край был пространством перманентного столкновения имперской модели и национального сопротивления, что формировало его двойственный статус: с одной стороны, сакральное ядро русской государственности, с другой — зона потенциального этноконфессионального конфликта. В этом ключе анализ травелога Крушевана даёт возможность не только изучить имперские нарративы конца XIX века, но и выявить механизмы, с помощью которых конструировались образы территориального единства и «воображаемых границ» в русской литературе путешествий.

Таким образом, настоящая исследование впервые фокусируется на пространственных образах Юго-Запада Российской империи через призму имперского дискурса и идеологических стратегий. Это позволяет по-новому взглянуть на механизмы формирования имперской идентичности и границ национального воображаемого пространства, которые продолжали оказывать влияние на политическое и культурное восприятие региона в XX и XXI веках.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1 Травелог П. А. Крушевана как реплика в консервативном дискурсе поздней империи

Фигура П. А. Крушевана (1860—1909), журналиста, писателя и политического деятеля правомонархического толка, несмотря на ее одиозность, продолжает интересовать исследователей русской консервативной мысли в Российской империи конца XIX — начала XX веков. Выходец из Бессарабии, Крушеван прошел путь от либерального публициста до антисемитского провокатора, прямо или косвенно способствовавшего

Кишиневскому погрому 1903 года и популяризации в России фальшивых «Протоколов сионских мудрецов», от издателя провинциальной газеты до депутата Государственной думы, чья фамилия стала нарицательным обозначением черносотенного движения. По меткому замечанию О. А. Грома, «спектр историографических оценок Крушевана варьируется от демонизации в связи с его антисемитизмом и крайне правыми взглядами до заявлений, что он был «христианским социалистом» и даже «деятелем молдавского национального движения», стремившимся с помощью русификации оградить молдаван от румын» [Гром, 2023, с. 59]. В плане «демонизации» часто рассматриваются работы Ю. А. Трубецкого [Трубецкой, 1989] и В. М. Топилиной [Топилина, 1987], а в плане ревизии (или реабилитации) — публикации И. П. Шорникова [Шорников, 2011] и, в большей степени, Д. И. Стогова [Стогов, 2015]. В добавление к этому можно указать на работы С. А. Громько [Громько, 2016] по парламентской деятельности Крушевана, Н. В. Некрасова [Некрасов, 2014] о финансовых скандалах вокруг его имени и др.

В контексте эволюции правых идеологий в современном мире (как в России, так и в странах Запада) изучение дискурсивного поля русского национализма периода поздней империи, особенно в ситуации культурного пограничья на южных и западных рубежах, требует, безусловно, более взвешенного подхода и привлечения максимального количества разнообразного фактического материала. Кроме того, назрела необходимость расширить исторические исследования текстов и идей Крушевана при помощи инструментария имагологии в фокусе теории русского ориентализма, привлекая не только материалы его публицистики, думских речей, биографии и редких малоизученных (за исключением отдельных аспектов — см., например: [Ижболжина, 2007]) художественных текстов («Счастливец всех», «Разоренное гнездо», «Дело Артабанова» и др.), но и единственный травелог под названием «Что такое Россия?» (1896).

Основной идеологический посыл этого травелога может быть охарактеризован как унифицирующий национализм: травелог предлагает такую модель империи, где бы существовала одна русская нация, составленная из этносов центральной и южной России, готовых добровольно отказаться от своей политической субъектности в пользу цивилизационного единства. Подобные идеи Крушевана о создании единой большой русской нации на базе цивилизационного единства перекликаются с тем, как основная часть петербургских интеллектуалов и бюрократии представляла себе образ «большой русской нации, включавшей в себя всех восточных славян империи» [Миллер, 2000, с. 41], а также с тем, как российские востоковеды конца XIX века (Н. П. Кондаков, А. Н. Веселовский, В. Р. Розен) представ-

ляли национальное строительство: будучи предшественниками евразийцев 1920-х годов, они подчеркивали не столько необходимость этнической ассимиляции, сколько формирование гражданской идентичности через интеграцию разных народов на основе общих норм таким образом, чтобы не затрагивать их культурную самобытность [Tolz, 2005, p. 132—134]. В отличие от академических кругов, нацеленных на позитивное единство народов империи, Крушеван в своем травелоге говорит о единстве империи без привлечения сведений обо всех ее окраинах. Например, остается в стороне вопрос о том, должны ли «русскими» стать этносы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Возможно, именно поэтому его маршрут в поисках ответа на вопрос «Что такое Россия?» ограничивается территорией, куда зауральские владения не входят.

Анализ этого травелога также позволяет увидеть, как акторы русско-го национализма конца XIX века воспринимали и интерпретировали то пространство империи, которое было теснейшим образом связано с истоками российской государственности, но при этом максимально открыто западному влиянию, а также понять механизмы формирования русской национальной идентичности и поиска «внутреннего врага». Очевидно, что в рамках консервативного дискурса оба эти механизма были взаимосвязаны, поэтому и исследовать их надо в совокупности. При этом, когда мы говорим в одном контексте о праворадикальных, консервативных, охранительных и националистических дискурсах, это не значит, что Крушеван был вовлечен в них в равной степени или что эти дискурсы обязательно взаимосвязаны и образуют единую идеологическую систему — эти термины используются инструментально, чтобы подчеркнуть разные аспекты его идеологической позиции в зависимости от контекста.

3.2. Маршрут и геополитическое измерение национального воображения

Прежде всего обратим внимание на маршрут, который в любом травелоге является структурообразующим элементом: именно маршрут помогает понять связь пространственно-временной организации текста с идеологической перспективой, лежащей в основе выбора объектов описания и логики их репрезентации, понять «философию пространства» [Фарафонова, 2016, с. 262]. В случае же имперского травелога [Пономарев, 2017], к которому, без сомнения, относится исследуемый текст, последовательность перемещения в пространстве напрямую связана с колониальными дискурсами контроля и наблюдения, поскольку для такого путешественника важно перемещение по «контактным зонам» [Pratt, 1992, с. 6—7], не вполне охваченным «цивилизующим» влиянием метрополии. В такой перспективе актуализируется значимость реальных и воображаемых границ.

В травелогe Крушевана маршрут имеет кольцевую структуру и охватывает основные символические оси европейской части Российской империи:

1) Западные губернии (Жлобин, Рогачев, Могилев, Орша) — пространства, включенные в империю после разделов Речи Посполитой, где встречаются польские, еврейские, белорусские, молдавские и русские элементы.

2) Центральные города (Москва, Смоленск) — «ядро» имперского центра, через который проходит маршрутизация идентичности путешественника: «история Москвы — это история России, это очаг, в котором зарождалась и выковывалась мощь России» [Крушеван, 1896, с. 38].

3) Волга и Каспий (Нижний Новгород, Казань, Самара, Саратов, Царицын, Астрахань) — торговый и этноконфессиональный коридор, соединяющий русское пространство с мусульманскими регионами, где чувствуется «пульс большого торгового центра страны, выросшего быстро у слияния таких жизненных артерий» [Крушеван, 1896, с. 120].

4) Кавказ (Петровск, Владикавказ, Тифлис, Батум) — рубеж, где империя сталкивается с ориентальной инаковостью, но и одновременно заявляет свое присутствие.

5) Крым и Одесса — символические территории имперской экспансии, включенные в российский нарратив как отвоеванные у Османской империи.

Возвращение по Днепру (Бессарабия, Киев, Минск) — это также символический путь через пространства, исторически колебавшиеся между разными национальными влияниями. В целом этот маршрут можно рассматривать как акт национальной самоидентификации автора через движение по геополитически значимым точкам империи, где формируется новая нация, преодолевающая этничность в обмен на коллективное чувство контроля над «бесконечным пространством земли Русской» [Крушеван, 1896, с. 2]. Это также пересекается с концепцией «внутреннего круга» России, представляющей империю как концентрическую структуру с ядром в Москве и расширяющимися зонами идентичности [Gorizontov, 2007, p. 71]. Его кольцевой маршрут соединяет западные губернии, центральные города, волжско-каспийский торговый коридор, Кавказ, Крым и Одессу, символизируя движение от центра к периферии и обратно. Западные губернии предстают как исторически нестабильные границы, Кавказ — как рубеж столкновения с «ориентальной инаковостью», а Волга и Крым — как зоны экономического и военного укрепления империи.

Включение Кавказа и Бессарабии говорит о геополитическом измерении национального воображения, в котором окраины должны быть не

просто освоены, но интегрированы в общий нарратив. Такой маршрут позволил автору сформировать символическую связь центра и периферии, а также оценить инокультурное влияние на формирование российской идентичности. Если посещение Юга давало пищу для размышлений о разнообразии культур, этносов и религий, составляющих империю, то путешествие по западным рубежам предоставляло возможность изучить пограничные территории, где особенно ярко проявлялись позитивные и негативные процессы культурного обмена. Связь маршрута с заглавием текста, таким образом, объясняет жанрово-тематическую специфику травелога Крушевана: это литература путешествий только по форме, по содержанию же это трактат о геополитической миссии России, в котором реальное передвижение по имперскому пространству служит способом легитимации национальной унифицирующей идеи. Путешествие превращается в ритуал подтверждения принадлежности к великой державе, а наблюдение за окраинами — в средство их концептуального «присоединения» к единому национальному организму.

Центральная проблема, волнующая автора путевых заметок, обозначена уже в эпитафии, составленном из цитат Э. Ренана и М. Ю. Лермонтова, которые, взаимодействуя друг с другом, открывают два ключевых измерения травелога: коллективное и индивидуальное восприятие пространства. Цитата из знаменитой речи Ренана, прочитанной им в Сорбонне в марте 1882 года, до публикации травелога уже переводилась на русский язык и вполне могла быть знакома Крушеванду по петербургскому изданию 1886 года [Что такое ..., 1886]. Она задает теоретическую основу размышления о нации, как о коллективной идентичности, создаваемой через общее историческое наследие.

Однако в контексте Крушевана этот принцип трансформируется: нация в его представлении строится не через общее стремление к свободе или взаимопониманию, а через выделение тех, кто, по его мнению, «свой» и «чужой». Эпитафия позволяет осмыслить, почему в травелоге так важно пространство: это не просто география, это символическое поле борьбы за «правильную» идентичность, ради которой необходимо приносить жертвы. «Нация есть великая солидарность, как результат священных чувств к принесенным жертвам и тем, какие будут принесены в будущем» [Крушеван, 1896, с. I], — красноречиво гласит эпитафия. Может показаться, что концепция нации Ренана как «повседневного плебисцита» противоречит устремлениям Крушевана обнаружить повсюду негативные последствия еврейского влияния, однако в контексте других речей Ренана (например, его речи «Участие семитических народов в истории цивилизации», переведенной на русский язык и опубликованной в России [Ренан, 1888]) сле-

дует признать, что антисемитизм Крушевана не противоречит, а, скорее, развивает позицию французского мыслителя, которую можно назвать европоцентристской и ориенталистской. В такой оптике образы евреев легко смещаются из плоскости богатой дохристианской культуры, которую нужно изучать, в плоскость социально-экономического «паразитизма», от которого нужно избавляться.

Цитата из поэмы «Мцыри» Лермонтова погружает читателя в субъективное измерение: пространство становится тюрьмой, в которой личное самоопределение сталкивается с ограничениями, накладываемыми культурными, политическими и этническими границами. Этот мотив плена резонирует с внутренним конфликтом самого Крушевана, молдаванина по происхождению, который пытается интегрироваться в русскую националистическую среду и именно на границах империи видит главные угрозы русской нации. Таким образом, эпиграфы образуют концептуальную рамку всего текста: они задают динамику напряжения между коллективным проектом русификации и личной борьбой за идентичность в пространстве идеологической борьбы.

3.3. Образы «славянских братьев» в травелог

Травелог Крушевана начинается с символического эпизода проводов путешественника, который после эпиграфа, отсылающего к Ренану, формулирует основную идеологическую рамку текста. В этой сцене автор собирает вокруг себя представителей разных народов — великоросса, поляка, украинца, белоруса, итальянца, — создавая миниатюрную модель Российской империи. Их общение демонстрирует не просто дружеское единство, но переход от этнической разобщенности прошлого к интеграции в единую государственную и культурную систему.

Эта композиция отражает центральную идею Крушевана: Россия — это не этнически однородная нация, а цивилизационный проект, объединяющий народы под руководством великороссов. Таким образом, путешествие автора превращается в ритуал осознания имперской идентичности, а маршрут — в процесс пространственной репрезентации национального единства. Важным компонентом этой конструкции становится модель четырех славянских братьев, «полных свежих сил молодой расы» [Крушеван, 1896, с. 5] — русских, украинцев, поляков и белорусов. В воображении Крушевана эти группы образуют своего рода иерархию, где великоросс выступает как сильный и уверенный лидер, способный объединить остальных. Поляк — порывистый и эмоциональный, утративший устойчивость после исторических потрясений, но все еще сохраняющий энергию борьбы. Белорус — угнетенный и замкнутый, переживший историческую несправедливость и не доверяющий никому. Украинец — свобододобивый

и экспрессивный, уставший от вековой борьбы, но все еще сохраняющий силу и волю. Повествователь-южанин — это тот, кто сумел все это осознать и описать. Такая модель отражает имперскую стратегию русификации подданных имперского Юго-Запада, в которой малые народы постепенно ассимилируются в объятиях «старшего брата», сохраняя некоторую национальную специфику, но теряя при этом политическую субъектность.

Переход от сцены застолья к ночному путешествию на поезде усиливает метафизический аспект маршрута, превращая его в акт погружения в историческое прошлое. По мере того, как поезд уносит героя от современного общества, его сознание начинает воспринимать окружающее пространство как место столкновения времен: среди ночных пейзажей возникают образы древних славянских богов, языческих племен и воинских кличей [Крушеван, 1896, с. 4]. Этот момент становится ключевым для концепции России в травелог: она представляется глубинной культурно-исторической сущностью, в которой современный человек соединен с предками через сакральную территорию империи. Таким образом, отправление в путешествие оформляется не как индивидуальное приключение, а как инициация в русскую национальную мифологию: Крушеван вписывает себя в миф о единой русской судьбе, преодолевшей этнические границы в пользу позитивно воображаемого единства, основанного на имперской мощи.

В сцене проводов Крушеван включает в круг собеседников не только представителей славянских народов, но и итальянца — фигуру, которая, на первый взгляд, не вписывается в предложенную имперскую модель России как цивилизационного единства. Однако его присутствие выполняет важную символично-риторическую функцию. Крушеван описывает его как «изнеженного потомка когда-то могучего Рима» [Крушеван, 1896, с. 2], акцентируя разницу между былым величием итальянской истории и ее современным состоянием.

Идея Крушевана о кризисе Запада и молодости России не является оригинальной. Очевидно, его националистические и цивилизационные идеи, репрезентированные в травелог, — вольный пересказ работ Н. Я. Данилевского и тех, кто испытал его влияние, например, К. Н. Леонтьева, Ф. М. Достоевского, И. С. Аксакова и др. Данилевский в книге «Россия и Европа» (1869) утверждал, что европейская цивилизация исчерпала себя, а ее место должна занять новая, славянская цивилизация во главе с Россией: «Ежели вызывается культурная жизнь нового исторического типа, то, должно быть, жизнь старого угасает» [Данилевский, 1895, с. 175]. Достоевский в «Дневнике писателя» также развивал представление о миссии России как цивилизации, способной спасти мир от духовного

разложения, противопоставляя ее Западу, который он считал погрязшим в рационализме и эгоизме. В частности, нельзя не заметить идейную переключку названия травелога Крушевана с вопросом из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского за апрель 1877 года, при помощи которого он в контексте начавшейся русско-турецкой войны критикует противников своих националистических идей, вопрошающих: «Россия! Но как же она может, как она смеет? Готова ли она? Готова ли внутренне, нравственно, не только матерьяльно? Там Европа, легко сказать Европа! А Россия, что такое Россия? И на такой шаг?» [Достоевский, 1983, с. 94].

3.4. Комплиментарные образы европейского «Другого»

Как элементы стратегии острашения Крушеван вводит в травелоге образы западноевропейцев, позволяя взглянуть на Россию глазами европейского «Другого», но при этом трансформируя их фигуры в комплиментарные зеркала, отражающие имперские амбиции автора: неназванный итальянец становится символом упадка Запада, утратившего былую мощь, а француз Дю-Фар — восторженным, но поверхностным наблюдателем, неспособным осознать подлинную суть российской цивилизации.

Итальянец — потомок некогда могущественного Рима, он изнежен, поверхностен, лишен былой силы и импульса к историческому развитию, в то время как Россия — молодая, энергичная цивилизация, способная предложить альтернативу вырождающемуся миру Европы. Таким образом, его взгляд на Россию как на субъект, находящийся на историческом подъеме и предназначенный для великой миссии, продолжает идеологическую традицию, в которой Россия противопоставляется Западу не как его продолжение, а как его цивилизационный антагонист и провозвестник новой исторической эпохи. Если великоросс, белорус, поляк и украинец изображаются как участники внутреннего славянского конфликта, который еще может быть преодолен, то итальянец оказывается фигурой наблюдателя, стоящего вне этого процесса. В отличие от славян, ему не нужно находить свое место в русском мире — он существует параллельно ему, оставаясь символом европейской пассивности. Его роль в застольной сцене подчеркивает, что Россия вступает в диалог с Европой, но не следует ее путем.

Итальянец проявляет типичные черты южанина — эмоциональность, поверхностность, легкость в общении, что контрастирует с серьезными, иногда даже напряженными отношениями внутри славянского круга. Когда он на прощание шутит о помидорах и баклажанах [Крушеван, 1896, с. 4], а затем исчезает из повествования, это демонстрирует, что, в отличие от русских, он озабочен не судьбами нации, а житейскими мелочами. «Русский южанин» Крушеван противопоставляет Россию не позднему вырождающемуся Западу, а Риму в моменте экспансии, подчеркивая, что у славян

есть шанс не повторить судьбу западных империй. Таким образом, включение итальянца в эпизод проводов служит не случайной экзотической деталью, а концептуальным элементом, усиливающим общий нарратив. Это позволяет автору сформулировать ключевую идею: Россия — это не Рим, но, если она потеряет свой исторический импульс и внутреннее единство, ее ждет та же судьба. В этом смысле путешествие автора становится поиском ответа на вопрос: как избежать европейского сценария?

Значительное место в травелогe занимает фигура француза Дю-Фара, парижанина, два месяца путешествующего по России с целью ознакомления с русской живописью [Крушеван, 1896, с. 115]. Этот европейский путешественник помогает автору сформировать ситуацию двойного сравнения: между Россией и Францией, а также между разными способами осмысления пространства — русским и западноевропейским. Его роль отличается от функции итальянца, который в начале книги символизировал Запад в его историческом упадке. Дю-Фар, напротив, представляет современный западный взгляд на Россию, восторженный, но все же поверхностный, наполненный стереотипами, где экзотика превалирует над аналитическим пониманием. Его появление в травелогe позволяет показать, как Россия воспринимается извне и одновременно подчеркнуть ее величие, новизну и непохожесть на Европу.

Образ Дю-Фара семиотически связан с первыми появлениями французской темы в травелогe — эпитафией из Ренана и размышлениями о Бородинском поле, где Наполеон фактически проиграл свою решающую битву. Здесь Крушеван ведет историко-философский спор с тенью Наполеона, задавая вопросы о судьбе Франции и ее цивилизационной мощи, растраченной напрасно: «И для чего?.. Для того, чтобы сегодня их дети и внуки, полные симпатий и восторженной братской любви, бросались в объятия друг друга при единодушных возгласах: *Vive la Russie! Vive la France!*» [Крушеван, 1896, с. 27]. Он намекает на разрушительную природу французского экспансионизма, который истощает нацию, не создавая долгосрочного единства, и противопоставляет этому идею национальной прочности, основанной на духовной и внутренней силе добровольного объединения. Таким образом, Франция уже на этом этапе вводится в текст не как равный России партнер, а как предостережение, как пример великой державы, способной создавать значимые нарративы, но уже утратившей исторический импульс. Этот мотив перекликается с описанием итальянца в сцене проводов, но если итальянец олицетворял Рим в его стремительном упадке, то Наполеон — это символ энергичного, но непродуманного строительства империи, не сумевшего создать прочную государственную структуру.

Знакомство с Дю-Фаром делает этот контраст еще более явным. Француз восторгается Россией, но его впечатления кажутся Крушевану слишком эмоциональными и сумбурными. Он говорит о русской культуре, искусстве, византийских традициях, но воспринимает их как экзотическую новизну, а не как самостоятельный и мощный цивилизационный проект. Он ориентируется на французский путеводитель Бедекера, что становится знаком различных эпистемологических систем: западный путешественник осмысливает пространство через кодифицированные схемы, пусть и лучшие в своем роде, тогда как повествователь полагается на личное восприятие. Этот эпизод с путеводителем можно интерпретировать и как метафору более широкого противостояния между российским и западным пониманием географии, истории и идентичности: Франция ориентируется на рациональную систему знаний, а Россия — на живое переживание пространства.

Важный момент участия француза в сюжете травелога — решение Дю-Фара продолжить путь на Кавказ в компании с Крушеваном. Это не просто акт дружеского согласия, а символическое подчинение западного путешественника российскому маршруту. Кавказ в травелоге Крушевана — это колониальная граница, зона, где Россия утверждает свое право на новые территории. Таким образом, включение французского путешественника в этот этап маршрута подчеркивает гегемонию российской имперской логики над западным нарративом. Дю-Фар, сам того не замечая, становится фигурой европейца, который добровольно вписывается в русский имперский проект, переходя от роли восторженного наблюдателя к роли спутника в освоении новых пространств.

Француз также помогает внести в идейно-тематическую конструкцию травелога значимость «южного фактора». В диалоге Дю-Фара и Крушевана о русской литературе имперский Юг предстает ключевой движущей силой формирования русской нации. Как выходец из Бессарабии, Крушеван не воспринимает себя периферийной фигурой в русском мире и видит в Юге энергетический импульс, способный оживить и преобразить российскую культуру. В его представлении северный компонент русской литературы, характеризующийся холодной рациональностью, аналитизмом и реализмом, пока еще подавляет живое, эмоциональное и творческое начало юга, но этот баланс должен измениться. Южная экспрессия, пылкость воображения, богатая мифологическая традиция и естественная склонность к художественному синтезу являются тем недостающим элементом, который придаст русской культуре законченность и силу [Крушеван, 1896, с. 120].

В этом утверждении читается не только общая философия Крушевана, суждение о будущем России, но и его собственная автопрезентация как

представителя нового, пока недооцененного, но чрезвычайно важного элемента русского националистического движения. В отличие от традиционного имперского взгляда, где Юг рассматривается как пассивный объект освоения, Крушеван предлагает альтернативную концепцию национального единства, в которой южане становятся ее активными со-творцами. Таким образом, его травелог превращается не просто в описание путешествия, а в манифест нового национального синтеза, в котором южный элемент, еще недавно воспринимаемый как периферийный, оказывается необходимым катализатором будущего русского величия.

3.5. Украина в оптике унифицирующего национализма

3.5.1. Образы украинцев

В травелогe еще два национальных типа имеют важное идеологическое значение — украинцы и евреи. Образ украинца стереотипен и представлен как неотъемлемая, но все еще не до конца интегрированная часть русской нации, что отражает ключевые идеологические представления Российской империи конца XIX века. В этот период украинский вопрос в имперском дискурсе формировался вокруг идеи малороссов как «младшего брата», и, следуя этой логике, Крушеван изображает украинца не как самостоятельного исторического субъекта, а как переходный тип, который движется от казацкой анархии к органичному включению в единую русскую цивилизацию.

В уже упомянутом эпизоде прощального ужина «четвертый брат» украинец предстает сначала как бунтарь, наделенный неукротимой энергией, фантазией и боевой удачей, но уже усталый от вековой борьбы, рефлексирующий над своим прошлым и готовый к новой роли. Этот образ иллюстрирует ключевую имперскую идею Крушевана: Украина уже не воспринимается как чуждое пространство, но она еще не вполне встроена в единую национальную конструкцию. Вообще, готовность встроиться в «государственное единство» — это качество этноса, которое Крушеван противопоставляет центристскому индивидуализму, когда «каждый шляхетский пуп, ничего не делая, только и был занят своей амбицией и яснотельможностью» [Крушеван, 1896, с. 234]. Украинцы, в отличие от поляков и грузин, по его мнению, вполне преодолели этот порок Речи Посполитой.

Эта же мысль подкрепляется описанием Киева, где Крушеван наблюдает украинскую культуру уже не как альтернативную, а как органично вплетенную в русское пространство. Киевляне, по его словам, сохраняют поэтичность, чувственность, эмоциональность, но уже говорят на языке единой русской культуры. Этот подход соответствовал националистическим дискурсам Российской империи, в которых Киев рассматривался не как центр самостоятельного национального движения, а как символ «рус-

ского единства». Однако нужно сказать, что этот нарратив не вполне соответствовал объективной исторической картине конца XIX века: Киев действительно был центром имперской политики русификации, но он оставался и ключевым очагом украинской культурной активности. В 1876 году Эмский указ запретил публикации, театральные постановки и образование на украинском языке, что свидетельствовало о страхе властей перед украиноязычной культурой, а не об ее естественном исчезновении. Киев был местом, где одновременно действовали имперские русификационные институты и украинские интеллектуальные круги, которые, несмотря на запреты, продолжали существовать и укреплять украинскую национальную идентичность. Крушеван, говоря о запрете малороссийской театральной труппы в Киеве, трактует это как попытку властей избежать «экстаза» и «необузданных эмоций» зрителей [Крушеван, 1896, с. 34], в то время как в реальности запрет театра был скорее частью систематической политики подавления украинской культуры, имевшей, с точки зрения властей, явный сепаратистский уклон.

В его интерпретации украинцы предстают эмоциональными, восторженными, но управляемыми, что отражает характерный имперский нарратив: украинцы — это не самостоятельный исторический субъект, а энергичный, но подчиненный элемент в составе русского народа. В этом смысле Крушеван выдает желаемое за действительное, пытаясь представить Киев как город, где уже нет борьбы за культурную идентичность, тогда как в реальности украинское движение не только не исчезло, но и продолжало набирать силу. Сопrotивление украинизации и само существование репрессивных мер говорят о том, что Киев к моменту рассуждений Крушевана не был «успешно русифицирован», а оставался ареной культурного и политического противостояния.

Таким образом, в концепции Крушевана украинец занимает особую позицию в русской нации: он уже включен в нее, но еще сохраняет элементы автономной идентичности, которые, по мысли автора, должны со временем раствориться. Его историческая судьба представляется завершенной: эпоха запорожской вольницы осталась в прошлом, а будущее Украины — в слиянии с русским государством и культурой. Этот взгляд переключается с более широкими тенденциями имперской политики конца XIX века, направленной на культурную унификацию окраин и устранение любых признаков национальной автономии, заменяя их идеей общерусского единства. В этом контексте украинцы оказываются не просто частью Российской империи, а важным звеном в процессе формирования концепции новой, универсальной русской нации, которая, по мнению Крушевана, еще не достигла своей окончательной формы.

3.5.2. Оппозиции Киев — Одесса и Москва — Петербург

Значимость украинского пространства для идеологических построений Крушевана закреплена также нарративом о соперничестве Киева и Одессы — так же как в России соперничают Москва и Петербург. В нарративе Крушевана противостояние городов используется не просто как сюжетный прием, а как инструмент конструирования иерархии внутри имперского пространства. Киев, Одесса, Москва и Петербург оказываются неравнозначными центрами, а выполняют разные функции в имперском проекте.

Москва, как Рим, к которому ведут все дороги, — логистический центр «ядра» России: «Москва кажется мне в эту минуту пауком, который, растопырив во все концы России свои ножки, держит в них всю русскую жизнь центральной полосы» [Крушеван, 1896, с. 29]. Киев же получает исключительный статус, становясь духовной и исторической основой русского единства, что прямо соотносится с русификационной политикой властей конца XIX века. Он противопоставляется Одессе, которую автор представляет как торговый, космополитичный, но менее «национально-русский» центр Юго-Запада, а также Петербургу, который выступает скорее административным, чем народным символом.

Противопоставление Киева и Одессы в травелогe также демонстрирует идеологический подтекст, связанный с борьбой за символическое господство над Юго-Западом империи. Одесса в представлении Крушевана — город нервный, торговый, чрезмерно европеизированный, в котором преобладает прагматизм и коммерческий расчет, отчасти ориентализованный: этот город вырастает в дымке «минаретами фабричных труб» [Крушеван, 1896, с. 291], здесь ползут «точно уродливые верблюды, караваны барж с прикрытым брезентом грузом» [Крушеван, 1896, с. 92]. Но вместе с тем Одесса — скорее евразийский город, где Восток и Запад органично слились вместе: «Сюда стремились и екатеринославцы, и херсонцы, и бессарабцы, отсюда разливалась по всей окраине европейская культура, здесь степняк-малоросс, великоросс и бессарабец терлись бок о бок с иностранцем, и в этой мировой толпе, на этом мировом рынке “чумацкая” размашистая натура южанина слилась с европейцем» [Крушеван, 1896, с. 293].

Киев, напротив, оказывается пространством сакральной рускости, местом, где народная энергия сохраняет свою чистоту и силу. Эта оппозиция также отражает не реальность, а идеологическую потребность нарратора показать Киев в роли древней русской «духовной столицы», противопоставленной меркантилизму Одессы. Будучи мультикультурным портом, Одесса действительно играла важную экономическую роль «окна в Европу», влияя на экономические и культурные процессы всей страны, но представление Крушевана о том, что «настоящая» русская городская культура

формируется в Киеве, а не в более динамичной Одессе, является не более чем идеологическим конструктом, призванным сделать пространство Юга более «русским», чем оно было на самом деле.

Кроме того, Крушеван использует сопоставление Киева и Москвы, чтобы дополнительно подчеркнуть уникальную роль Киева в русском сознании. Киев оказывается чем-то вроде «южной Москвы», обладающей не только древностью, но и народной подлинностью, в отличие от Петербурга, который в русской словесности XIX века традиционно воспринимался как искусственный, бюрократический и, в целом, inferнальный город, оторванный от национальной почвы. Это противопоставление снова создаст иллюзию преемственности, согласно которой Киев органически вписан в русский мир с центром в Москве, а его история воспринимается исключительно как часть русской и только русской цивилизации. В таком случае образ «дедушки городов русских» способствует вытеснению альтернативных нарративов о прошлом и игнорированию современного культурного разнообразия и напряженности, которые существовали в Киеве и делали его не только русским, но и украинским, польским, еврейским, в общем, вполне интернациональным городом.

Таким образом, травелог Крушевана отражает не столько реальную картину имперского юга, сколько желание вписать Киев в идеологическую матрицу русского единства, сделав его опорным пунктом русификации и мифа о тысячелетнем национальном единстве. Одесса и Петербург при этом оказываются маргинализированными, потому что они представляют собой слишком открытые, слишком космополитичные и слишком «неконтролируемые» модели городского развития. В конечном счете, Крушеван предлагает читателю не объективное описание городского пространства, а его политически мотивированную интерпретацию, в которой Киев играет роль не только административного центра имперского Юго-Запада, но и инструмента имперской легитимации русской идентичности.

3.5.3. Образы евреев и антисемитский дискурс травелога

Еврейская тема травелога имеет непосредственное отношение к главному вопросу травелога: «что такое Россия?». По всему тексту Крушеван описывает «еврейский элемент» как нечто отрицательное, противопоставленное всем без исключения народам, встречающимся у него на пути по юго-западным окраинам империи, но особое место имагология евреев занимает в финале травелога, где вопрос «Что такое Россия?» получает, наконец, определенный, идеологически выверенный ответ: это не просто географическое пространство и государство, а единый национальный организм, в котором народное и этническое разнообразие должно быть упорядочено, а элементы, мешающие этому порядку, либо слиты воедино,

либо отвергнуты. Центральным препятствием на пути к такому единству, по Крушевану, являются евреи, которым отводится роль чуждого, непреодолимого элемента. Если украинцы и поляки, по его логике, могут быть включены в империю через «братское слияние», то евреи оказываются в иной категории — народа, который сам выбрал обособленность и теперь должен нести за это историческую ответственность.

Ключевой момент заключается в том, что итоговый, программный разговор происходит именно в пространстве Киева, и это еще раз подчеркивает, что в идеологических конструкциях Крушевана Киев воспринимался как колыбель русской государственности, сакральный центр, через который легитимировалась символическая преемственность Российской империи от Древней Руси (и Византии). В нарративе Крушевана Киев играет роль места, где русский и украинский элементы на глазах соединяются в «здоровый» народный союз, формируя настоящее русское пространство. Однако именно здесь по причине плотного еврейского расселения наиболее остро проявляется «еврейская проблема», что для автора становится тревожным сигналом: Киев оказывается символическим рубежом, где определяются границы допустимого и недопустимого слияния народов.

Главные тезисы его рассуждений наследуют общую логику антисемитского дискурса русской словесности, сближающуюся с антисемитскими конструктами Ф. М. Достоевского: евреи сознательно изолируют себя от русской культуры, паразитируют на экономической системе страны, не способны к трудовой деятельности «на земле», а потому естественным образом вызывают ненависть к себе со стороны русских и украинцев. В мартовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 год Достоевский также определяет «еврейский фактор» как помеху на пути «славянскому единству»: «Не будь так сильна еврейская идея в мире, и, может быть, тот же самый “славянский” (прошлогодний) вопрос давно бы уже решен был в пользу славян, а не турок» [Достоевский, 1983, с. 77].

Однако при этом евреи обвиняются одновременно и в нежелании ассимилироваться, и в том, что их ассимиляция невозможна, что ставит целый этнос в безвыходное положение: любые их действия интерпретируются как подтверждение их чуждости. Этот аргументативный тупик совпадает с реальной государственной политикой Российской империи эпохи Александра III, которая, с одной стороны, требовала от евреев экономической интеграции и политической лояльности, а с другой — вводила ограничения на их обучение, передвижение за пределы «черты оседлости» и трудовую и коммерческую деятельность, сознательно делая невозможным их полное слияние с русским обществом. Консервативная русская пресса («Новое время», «Русь», «Киевлянин» и др.) при поддержке или попусти-

тельстве властей наращивала антисемитскую агитацию, и это вылилось в череду погромов, прокатившихся по Югу империи 1881—1882 годов, которые В. Е. Кельнер справедливо называет «погромной эпидемией» [Кельнер, 2024, с. 18]. Эти события связаны с эволюцией как общественного, так и государственного отношения к «еврейскому вопросу», при этом миф об опасности евреев, как точно подметил А. А. Тесля, оставался и остается постоянно действующей категорией русского национального сознания, не исчезая и не появляясь, а только актуализируясь в определенных обстоятельствах [Тесля, 2023, с. 133].

Не менее важным оказывается и литературный прием, с помощью которого автор оформляет этот финальный идеологический тезис — внезапный переход на третье лицо. Описывая себя как смуглого большезлоного «путешественника», Крушеван создает иллюзию объективности, делая вид, что его антисемитские рассуждения — не личное мнение, а результат «беспристрастного наблюдения» над историей и современным состоянием России. Это также снижает эмоциональный накал, превращая даже самые радикальные высказывания в «рациональные» и «научные» аргументы. Прием дистанцирования позволяет Крушевану не просто выразить собственные идеи, но и представить их как единственно возможные выводы, к которым пришел бы любой человек, внимательно изучивший Россию.

Таким образом, финальная глава травелога не просто резюмирует путешествие, но и подводит читателей к ключевому выводу: Россия как национальный организм должна стремиться к единству, внутренней целостности, но эта целостность возможна лишь при «правильном» слиянии народов, исключая тех, кто не вписывается в эту далекую от реальности модель. Киев становится символической точкой этого необходимого разделения, а еврейский вопрос — завершающим аргументом, оформляющим концепцию русского национального единства через исключение. Антисемитская риторика Крушевана вписывается в общий имперский дискурс конца XIX века, где разговор об объединении России неизбежно сопровождался жестким размежеванием между теми, кто может стать русским, и теми, кому это не позволено.

4. Заключение = Conclusions

Итак, анализ травелога Крушевана демонстрирует, насколько важную роль играли подобные тексты в формировании националистического взгляда на территорию, население и идентичность имперского Юго-Запада. Путевые заметки становились не столько отражением увиденного, сколько инструментом, с помощью которого автор проектировал желаемую картину российского пространства, выстраивая его по принципу «свое — чужое». Включение еврейской темы в итоговый дискурс травелога подчеркивает,

что в консервативном националистическом сознании конца XIX века представления о нации и государстве невозможно было выстроить без жесткого определения границ — не только географических, но и культурных, этнических, религиозных. Киев в этой системе координат оказывается не просто географической точкой на карте путешествия, а пространством, где решается вопрос о допустимой и недопустимой идентичности. Его статус «колыбели Руси» делает его идеальной сценой для окончательного ответа на вопрос «Что такое Россия?», но этот ответ оказывается глубоко проблематичным: единство возможно только через насильственное включение или исключение. Неизбежность насилия в отношении внутренних «чужих», сознательно вставших на пути имперского прогресса, — вот главный тезис, который должен был усвоить читатель этого трактата-травелога.

Таким образом, идеология имперского Юго-Запада предстает не как статичное представление о подчиненных территориях, а как постоянный процесс перерисовывания воображаемых границ между «нашими» и «чужими», между теми, кто может быть включен в национальное тело, и теми, кто навсегда останется вне его. Изучение подобных текстов остается крайне актуальным для понимания того, как имперские, националистические и ориенталистские дискурсы взаимодействовали друг с другом в пространстве российского государства и каким образом эти взаимодействия повлияли на политическое и культурное восприятие Украины, Бессарабии и других «контактных зон» империи. Травелоги, подобные книге Крушевана, не просто фиксировали впечатления путешественников — они участвовали в формировании имперской политики, задавали образцы мышления, конструировали исторические нарративы влиятельных общественных групп. В этом смысле анализ таких текстов позволяет глубже понять механизмы формирования имперской идентичности и те стратегии исключения и ассимиляции, которые продолжали работать на протяжении всего XX века и сохраняют свое влияние в XXI веке.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Крушеван П. А. Что такое Россия? Путевые заметки / П. А. Крушеван. — Москва : Т-во Кушнерев и К°, 1896. — 374 с.

Литература

1. Алексеев П. В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX века : от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому / П. В. Алексеев. — Томск : Изд-во Томского университета, 2015. — 347 с. — ISBN 978-5-7511-2407-6.

2. *Бахляр Г.* Избранное : Поэтика пространства / Г. Бахляр. — Москва : РОС-СПЭН, 2004. — 376 с. — ISBN 5-8243-0489-0.

3. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи : Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793—1914) / Д. Бовуа. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 1008 с. — ISBN 978-5-86793-829-1.

4. *Вех С.* Западный край («захваченные земли») во внутренней политике Российской империи / С. Вех // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. — 2021. — Т. 18 (2). — С. 97—123. — DOI: 10.36121/swiech.18.2021.2.097.

5. *Галушко А. Д.* «Свое» — «чужое» в описании Тавриды П. И. Сумароковым / А. Д. Галушко // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 3—16.

6. *Гром О. А.* Национальный вопрос в Бессарабии на страницах газеты «Бессарабец», 1897—1905 гг. / О. А. Гром // *Русская старина*. — 2023. — № 14 (2). — С. 58—68. — DOI: 10.13187/rs.2023.2.58.

7. *Громыко С. А.* П. А. Крушеван — думский оратор : риторико-прагматические особенности выступлений / С. А. Громыко // *Вестник Череповецкого государственного университета*. — 2016. — № 4 (73). — С. 84—88.

8. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — Санкт-Петербург : Типография братьев Пантелеевых, 1895. — 629 с.

9. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, Ленинградское отд-ние, 1983. — Т. 25. — 470 с.

10. *Жданов С. С.* Пространственные образы лиминального Юго-Запада Российской империи (на материале «Путевых записок по России» М. П. Жданова) / С. С. Жданов // *Два века русской классики*. — 2024. — Т. 6 (3). — С. 30—63. — DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63.

11. *Западные окраины Российской империи* / под ред. М. Долбилова, А. Миллера. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 608 с. — ISBN 5-86793-425-х.

12. *Ижболдина И. А.* «Волки» Павла Крушевана / И. А. Ижболдина // *Revista de Etnologie și Culturologie*. — 2007. — № 2. — С. 161—165.

13. *Кельнер В. Е.* Евреи, которые жили в России / В. Е. Кельнер // *Евреи в России : XIX век*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2024. — С. 5—26. — ISBN 9785444821909.

14. *Киселев В. С.* «Странное политическое сонмище» или «Народ, поющий и пляшущий» : конструирование образа Украины в русской словесности конца XVIII — начала XIX в. / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2012. — С. 478—517. — ISBN 978-5-4448-0002-7.

15. *Киселев В. С.* Эволюция образа Украины в имперской словесности первой четверти XIX в. : регионализм, этнографизм, политизация (статья третья. «Между Польшей и Россией») / В. С. Киселев, Т. А. Васильева // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. — 2014. — № 1 (27). — С. 102—123.

16. *Кублицкая О. В.* Путевая проза : жанр, стиль, дискурс, нарратив (итоги и перспективы изучения) / О. В. Кублицкая // *Вестник Марийского государственного университета*. — 2019. — Т. 13. — № 1 (33). — С. 76—84. — DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-1-76-84.

17. *Курыанов С. О.* О русско-украинских литературных связях и об украинском тексте в русской литературе / С. О. Курыанов // *Крымский гуманитарный вестник : сборник*

научных статей / Отв. редактор А. Н. Рудяков ; ГБОУ ДПО РК «КРИППО». — Симферополь : ИП Минакир И. Л., 2018. — С. 40—47. — ISBN 978-5-9500652-4-8.

18. *Лескинен М. В.* Очерк 2. Возникновение научных представлений об общности русского народа : вопросы исторической топонимии и этнонимии (последняя треть XVIII — первая половина XIX в.) / М. В. Лескинен // Малороссы vs украинцы : Украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР : Очерки : Колл. монография. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2018. — С. 101—157.

19. *Люсый А. П.* Крымский текст русской литературы / А. П. Люсый. — Санкт-Петербург : Алетей, 2003. — 314 с. — ISBN 5-89329-585-4.

20. *Миллер А. И.* Украинский вопрос в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX века) / А. И. Миллер. — Санкт-Петербург : Алетей, 2000. — 284 с. — ISBN 5-89329-246-4.

21. *Некрасов Н. В.* Финансовые скандалы вокруг П. А. Крушевана и кишиневского отдела «Союза русского народа» (февраль — июль 1907 г.) / Н. В. Некрасов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2014. — № 4. — С. 131—137.

22. *Орехов В. В.* Миф о разрушении Херсонеса : эпизод литературного освоения Крыма / В. В. Орехов // Имагология и компаративистика. — 2021. — № 15. — С. 194—213. — DOI: 10.17223/24099329/15/12.

23. *Пеллегрини П.* Семиотика пространства : гетеротопия и значение места / П. Пеллегрини // Человек : Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. — 2020. — № 1 (41). — С. 11—28. — DOI: 10.31249/chel/2020.01.01.

24. *Пономарев Е. Р.* Русский имперский травелог / Е. Р. Пономарев // Новое литературное обозрение. — 2017. — № 2(144). — С. 33—44.

25. *Ренан Э.* Место семитских народов в истории цивилизации : Речь при открытии курса языков еврейского, халдейского и сирийского в Collège de France / Э. Ренан. — Москва : В. Н. Маракуев, 1888. — 32 с.

26. *Семиотика пространства и пространство семиотики* / Ред. Ю. М. Лотман. — Тарту : ТГУ, 1986. — 163 с.

27. *Сень Д. В.* Воображаемая география и имперский дискурс : практики Российской империи в Крыму и на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII — начале XIX в. / Д. В. Сень // Этнографическое обозрение. — 2008. — № 3. — С. 146—160.

28. *Стогов Д. И.* Предисловие / Д. И. Стогов // Знамя России. — Москва : Институт русской цивилизации, 2015. — С. 5—90. — ISBN 978-5-4261-0099-2.

29. *Тесля А. А.* Семь коротких лекций о славянофильстве / А. А. Тесля. — Тула : ТИАМ, 2023. — 200 с. — ISBN 978-5-6049427-8-9.

30. *Топилина В. М.* Легальная печать Молдавии 1905—1907 гг. О первой русской революции / В. М. Топилина. — Кишинев : Штиинца, 1987. — 63 с.

31. *Трубецкой Б. А.* Из истории периодической печати Бессарабии. (1854—1916 гг.) / Б. А. Трубецкой. — Кишинев : Штиинца, 1989. — 275 с. — ISBN 5-376-00005-2.

32. *Фарафонова О. А.* Маршруты русских травелогов XVIII века / О. А. Фарафонова // Русский травелог XVIII—XX веков : маршруты, топосы, жанры и нарративы. — Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2016. — С. 261—285. — ISBN 978-5-00023-878-0.

33. *Храпунов Н. И.* «Другие» на имперском пограничье : восприятие жителей Крыма в российских травелогах рубежа XVIII—XIX вв. / Н. И. Храпунов // Астраханские Петровские чтения : материалы VI Международной научной конференции «Петр Первый

и имперские практики фронтального пространства», Астрахань, 24 ноября 2021 года. — Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2022. — С. 44—55. — ISBN 978-5-9926-1355-1.

34. *Что такое нация?* : Лекция Э. Ренана, чит. В Сорбонне. — Санкт-Петербург : Вл. Берман и С. Войтинский, 1886. — 43 с.

35. *Шенле А.* Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий 1790—1840 / А. Шенле. — Санкт-Петербург : Академический проект, 2004. — 271 с. — ISBN 5-7331-0287-X.

36. *Шорников И. П.* П. А. Крушеван и национальный вопрос в России : Молдаванин или русский националист? / И. П. Шорников // Вестник РУДН. Серия : История России. — 2011. — № 1. — С. 93—106.

37. *Gorizontov L.* The “great circle” of interior Russia : Representations of the imperial center in the nineteenth and early twentieth centuries / L. Gorizontov // Russian Empire : Space, People, Power, 1700—1930. — Bloomington, IN : Indiana University Press, 2007. — Pp. 67—93.

38. *Kleespies I.* Caught at the Border : Travel, Nomadism, and Russian National Identity in Karamzin’s “Letters of a Russian Traveler” and Dostoevsky’s “Winter Notes on Summer Impressions” / I. Kleespies // The Slavic and East European Journal. — 2006. — Pp. 231—251.

39. *Pageaux D. H.* L’imagerie Culturelle : de la Littérature Comparée à L’anthropologie Culturelle / D. H. Pageaux // Synthésis. — 1983. — № 10. — Pp. 79—88.

40. *Pratt M. L.* Imperial Eyes : Travel and Transculturation / M. L. Pratt. — London ; New York : Routledge, 1992. — 257 p. — ISBN 10: 041502675X.

41. *Tolz V.* Orientalism, Nationalism, and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia / V. Tolz // The Historical Journal. — 2005. — Vol. 48 (1). — Pp. 127—150.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2025,
одобрена после рецензирования 04.06.2025,
подготовлена к публикации 19.06.2025.*

Material resources

Krushevan, P. A. (1896). *What is Russia? Travel notes*. Moscow: Kushnerev and Co. 374 p. (In Russ.).

References

Alekseev, P. V. (2015). *The conceptual sphere of oriental discourse in Russian literature of the first half of the 19th century: from A. S. Pushkin to F. M. Dostoevsky*. Tomsk: Publishing House of Tomsk University. 347 p. ISBN 978-5-7511-2407-6. (In Russ.).

Bashlyar, G. (2004). *Selected works: Poetics of space*. Moscow: ROSSPAN. 376 p. ISBN 5-8243-0489-0. (In Russ.).

Beauvois, D. (2011). *The Gordian knot of the Russian Empire: Power, nobility and People in Right—bank Ukraine (1793—1914)*. Moscow: New Literary Review. 1008 p. ISBN 978-5-86793-829-1. (In Russ.).

Danilevsky, N. Ya. (1895). *Russia and Europe*. St. Petersburg: Printing house of the Panteleev brothers. 629 p. (In Russ.).

Dolbilov, M., Miller, A. (2006). *The Western outskirts of the Russian Empire*. Moscow: New Literary Review. 608 p. ISBN 5-86793-425-x. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (1983). *Complete works: in 30 volumes, 25*. Leningrad: Nauka, Leningrand Publishing House. 470 p. (In Russ.).

- Farafonova, O. A. (2016). Russian travelogue of the XVIII century. In: *Russian travelogue of the XVIII—XX centuries: routes, toposes, genres and narratives*. Novosibirsk: NSPU Publishing House. 261—285. ISBN 978-5-00023-878-0. (In Russ.).
- Galushko, A. D. (2022). “Own” — “alien” in the description of Taurida by P. I. Sumarokov. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences, 8 (1)*: 3—16. (In Russ.).
- Horizontov, L. (2007). The “great circle” of interior Russia: Representations of the imperial center in the nineteenth and early twentieth centuries. In: *Russian Empire: Space, People, Power, 1700—1930*. Bloomington, IN: Indiana University Press. 67—93.
- Grom, O. A. (2023). The national question in Bessarabia on the pages of the newspaper “Bessarabets”, 1897—1905. *Russian Antiquity, 14 (2)*: 58—68. DOI: 10.13187/rs.2023.2.58. (In Russ.).
- Gromyko, S. A. (2016). P. A. Krushevan — Duma speaker: rhetorical and pragmatic features of speeches. *Bulletin of Cherepovets State University, 4 (73)*: 84—88. (In Russ.).
- Izhboldina, I. A. (2007). “Wolves” by Pavel Krushevan. *Revista de Etnologie și Culturologie, 2*: 161—165. (In Russ.).
- Kellner, V. E. (2024). Jews who lived in Russia. In: *Jews in Russia: XIX century*. Moscow: New Literary Review. 5—26. ISBN 9785444821909. (In Russ.).
- Khrapunov, N. I. (2022). “Others” on the Imperial frontier: the perception of Crimean residents in Russian travelogues of the turn of the XVIII—XIX centuries. In: *Astrakhan Petrovsky readings: proceedings of the VI International Scientific Conference “Peter the Great and Imperial practices of frontier space”, Astrakhan, November 24, 2021*. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House. 44—55. ISBN 978-5-9926-1355-1. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S., Vasilyeva, T. A. (2012). “A strange political crowd” or “A people singing and dancing”: constructing the image of Ukraine in Russian literature at the end of the XVIII — beginning of the XIX century. In: *Inside there. The practice of internal colonization in the cultural history of Russia*. Moscow: New Literary Review. 478—517. ISBN 978-5-4448-0002-7. (In Russ.).
- Kiselyov, V. S., Vasilyeva, T. A. (2014). The evolution of the image of Ukraine in imperial literature of the first quarter of the 19th century: regionalism, ethnographism, politicization (article three. “Between Poland and Russia”). *Bulletin of Tomsk State University. Philology, 1 (27)*: 102—123. (In Russ.).
- Kleespies, I. (2006). Caught at the Border: Travel, Nomadism, and Russian National Identity in Karamzin’s “Letters of a Russian Traveler” and Dostoevsky’s “Winter Notes on Summer Impressions”. *The Slavic and East European Journal*. 231—251.
- Kublitskaya, O. V. (2019). Travel prose: genre, style, discourse, narrative (results and prospects of study). *Bulletin of the Mari State University, 13 / 1 (33)*: 76—84. DOI: 10.30914/2072-6783-2019-13-1-76-84. (In Russ.).
- Kuryanov, S. O. (2018). On Russian-Ukrainian literary relations and the Ukrainian text in Russian literature. In: *Crimean Humanitarian Bulletin: collection of scientific articles*. Simferopol: IP Minakir I. L. 40—47. ISBN 978-5-9500652-4-8. (In Russ.).
- Leskinen, M. V. (2018). Essay 2. The emergence of scientific ideas about the community of the Russian people: issues of historical toponymy and ethnonymy (the last third of the XVIII — first half of the XIX century). In: *Little Russians vs Ukrainians: The Ukrainian question in science, state and cultural policy of the Russian Em-*

- pire and the USSR: Essays. Coll. monograph.* Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. 101—157. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (ed.). *Semiotics of space and the space of semiotics.* Tartu: TSU. 163 p. (In Russ.).
- Lyusyi, A. P. (2003). *The Crimean text of Russian literature.* St. Petersburg: Aleteya. 314 p. ISBN 5-89329-585-4. (In Russ.).
- Miller, A. I. (2000). *The Ukrainian question in the policy of the authorities and Russian public opinion (the second half of the 19th century).* St. Petersburg: Aleteya. 284 p. ISBN 5-89329-246-4. (In Russ.).
- Nekrasov, N. V. (2014). Financial scandals around P. A. Krushevan and the Chisinau department of the Union of the Russian People (February — July 1907). *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 4:* 131—137. (In Russ.).
- Orehov, V. V. (2021). The myth of the destruction of Chersonesos: an episode of the literary development of the Crimea. *Imagology and comparative studies, 15:* 194—213. DOI: 10.17223/24099554/15/12. (In Russ.).
- Pageaux, D. H. (1883). L'imagerie Culturelle: de la Littérature Comparée à L'anthropologie Culturelle. *Synthésis, 10:* 79—88.
- Pellegrino, P. (2020). Semiotics of space: heterotopia and the Meaning of Place. *Man: Image and Essence. Humanitarian aspects, 1 (41):* 11—28. DOI: 10.31249/chel/2020.01.01. (In Russ.).
- Ponomarev, E. R. (2017). Russian Imperial travelogue. *New Literary Review, 2 (144):* 33—44. (In Russ.).
- Pratt, M. L. (1992). *Imperial Eyes: Travel and Transculturation.* London; New York: Routledge. 257 p. ISBN 10: 041502675X.
- Renan, E. (1888). *The place of the Semitic peoples in the history of civilization: Speech at the opening of the course of Hebrew, Chaldean and Syriac languages at the Collège de France.* Moscow: V. N. Marakuev. 32 p. (In Russ.).
- Schenle, A. (2004). *Authenticity and fiction in the author's self-awareness of Russian travel literature 1790—1840.* Saint Petersburg: Academic Project. 271 p. ISBN 5-7331-0287. (In Russ.).
- Senh, D. V. (2008). Imaginary Geography and Imperial discourse: the practices of the Russian Empire in Crimea and the North-West Caucasus in the Late 18th and Early 19th centuries. *Ethnographic Review, 3:* 146—160. (In Russ.).
- Shornikov, I. P. (2011). P. A. Krushevan and the national question in Russia: Moldovan or Russian nationalist? *Bulletin of the RUDN University. Series: The History of Russia, 1:* 93—106. (In Russ.).
- Stogov, D. I. (2015). Preface. In: *Banner of Russia.* Moscow: Institute of Russian Civilization. 5—90. ISBN 978-5-4261-0099-2. (In Russ.).
- Teslya, A. A. (2023). *Seven short lectures on Slavophilism.* Tula: TIAM. 200 p. ISBN 978-5-6049427-8-9. (In Russ.).
- Tolz, V. (2005). Orientalism, Nationalism, and Ethnic Diversity in Late Imperial Russia. *The Historical Journal, 48 (1):* 127—150.
- Topilina, V. M. (1987). *The legal seal of Moldavia 1905—1907. About the first Russian Revolution.* Chisinau: Stiinca. 63 p. (In Russ.).
- Trubetskoy, B. A. (1989). *From the history of the periodical press of Bessarabia. (1854—1916).* Chisinau: Stiinca. 275 p. ISBN 5-376-00005-2. (In Russ.).

- Vech, S. (2021). Milestones in the village of the Western Region (“occupied lands”) in the internal policy of the Russian Empire. *Wschodni Rocznik Humanistyczny*, 18 (2): 97—123. DOI: 10.36121/swiech.18.2021.2.097. (In Russ.).
- What is a nation?: Lecture by E. Renan, chit. At the Sorbonne.* (1886). St. Petersburg: V. Ber-
man and S. Voitinsky. 43 p. (In Russ.).
- Zhdanov, S. S. (2024). Spatial images of the liminal Southwest of the Russian Empire (based on the material of M. P. Zhdanov’s “Travel Notes on Russia”). *Two Centuries of Russian Classics*, 6 (3): 30—63. DOI: 10.22455/2686-7494-2024-6-3-30-63. (In Russ.).

*The article was submitted 06.03.2025;
approved after reviewing 04.06.2025;
accepted for publication 19.06.2025.*